

христиане создавали общины, заботясь о том, чтобы как можно резче отмежеваться от язычников. Прimitивные общины потребительского характера по мере распространения христианства превращались в церковные приходы (впервые в Александрии — «лавы»). А в период христологических споров, когда создавалась прочная христианская доктрина в приходах решалась судьба той или иной формулировки вероучения. Епископы умели нащупывать в приходах связь с определенными прослойками населения, увязывать нюансы доктрины с интересами определенных владельческих групп и широкими слоями городского населения.

Мы не можем недооценивать эту «демократию», которой народные (в основном городские) массы пользовались в IV—IX вв. От организованных по приходам масс зависело, кандидат какого направления получит кафедру местного епископа. Сочувствуя тому или иному богословскому тезису, массы фактически могли критически относиться и к правительству. Так или иначе, желая иметь поддержку в массах, правительство вынуждено было иногда удовлетворять ходатайство церковников по некоторым вопросам гражданского порядка. Самый факт, что от народных масс зависело, победит ли то или другое направление, означал, что приходские массы играли серьезную роль в решении важных государственных проблем. Церковными лозунгами можно было прикрывать направления местной классовой борьбы, сепаратистские цели, определять оппозиционное настроение или же поддерживать правительство.

Повседневно занимаясь воспитанием масс, церковь получила особую власть над правительством, и в результате любой император должен был определять свое отношение к господствующей христианской доктрине. Союз церкви с правительством привел к тому, что основным пред назначением императора стало охранять чистоту церковной доктрины. А так как церковь проникла во все поры гражданской жизни, то автократия — абсолютная власть императора — была по существу ограничена. Всякое нарушение доктрины давало возможность церковникам опираться на массы, защищать интересы определенных прослоек знати под флагом охраны чистоты вероучения. Так, даже весьма сдержанные симпатии Анастасия к монофиситам вызвали волнения столичного населения, а четвертый брак Льва VI — тяжелые потрясения в империи.

Доктрина господствовала над всем. Даже там, где можно было получить определенную выгоду, забота о чистоте вероучения превалировала. Когда император Никифор II, чтобы покончить с влиянием ислама, хотел провозгласить священную войну с причислением убитых в этой войне христиан к сонму мучеников, церковь решительно воспротивилась, ссылаясь на церковные догмы. Когда Византия, теснимая турками, находилась на пороге гибели, патриарху Филофею не удалось объявить туркам священную войну. Опираясь на принятые в IV в. догматы, церковь не допустила ценой хотя бы небольшого компромисса союза с западным христианством против турок, сорвала все попытки организовать совместную борьбу против турецких завоевателей: народные массы, воспитанные в духе борьбы за чистоту вероучения, не шли ни на какие уступки. Подобное воздействие доктрины на все сферы жизни и политики, однообразный характер идеологической мысли сделали общественный строй Византии удивительно устойчивым, но не допускали никакого самостоятельного мышления. В православии сконцентрировались и борьба с пережитками старого общества (язычество), и освоение античных достижений, оно же освящало новые общественные институты. А поскольку христианская доктрина, хоть и в трансформированном виде, была связана с античным миропониманием, связь с античностью в Византии никогда не ослабевала.

Сохраняя элементы античной учености, византийская общественная мысль была пронизана гордым самосознанием. Характерное для византийцев презрительное отношение к варварам распространилось и на хри-